

объяснение того или иного поступка героев. Это наиболее отчетливо выступает в романе Обуховой при объяснении любви. Да и Бирюков склонен иногда шегольнуть прадедовским крестьянским инстинктом.

К слову сказать, апелляция к общечеловеческим абстрактным категориям, к изначальным «природным» свойствам человека встречается довольно часто. Так, в повести «Суд» Тендрякова в качестве такой категории выступает «совесть», в рассказе «Вторая ночь» В. Некрасова — гуманизм, истолкованный художником в несколько абстрактной форме. В рассказе М. Ганиной «Настины дети», по справедливому замечанию В. Кардина, чело­веческое в Федоре изображается лишь как родительское, но родительское «в самом элементарном, первоначальном смысле»!

Нередко встречается изображение наших современников «под классиков». Так, например, Вера Шапошникова в очерке «На Лянде» («Наш современник», 1957, № 1) рассказывает о вла­димирских колхозниках таким образом, словно после посещения Светлояра В. Г. Короленко («В пустынных местах») здесь ничего не изменилось в характерах людей: та же лень, те же праздники... Подобное можно сказать и про некоторые рассказы Ю. Казакова, М. Лисина. Но это — особый разговор, и мы его касаемся лишь для того, чтобы подчеркнуть, что сужение реализма, отмеченное нами в романах Тендрякова и Обуховой, присутствует только им.

В искусстве, как говорил Ленин, надобно быть «немножко впереди» своего читателя и, само собой, изображаемого героя. Но вот этого-то как раз пока и недостает нашим романистам. Хочется надеяться, что эта своеобразная «болезнь роста» будет преодолена. Важно знать о своей болезни и предупредить ее развитие.

¹ В. Кардин. Разговор о счастье. «Октябрь» № 2, 1960, стр. 207.

С. А. ОРЛОВ

ВАЛЬТЕР СКОТТ И ПОЭЗИЯ РОБЕРТА БЕРНСА

Вопрос о влиянии поэзии Бернса на творчество Скотта не является темой специальных исследований за рубежом. В лучшем случае говорится о встрече юного Скотта с великим поэтом в Эдинбурге, сообщается о том, что Скотт с уважением и признанью отзывался о творениях великого шотландского поэта. Не являются исключением в этом смысле и такие капитальные работы как труд канадского исследователя F. B. Snyder. Robert Burns. His Personality, His Reputation and His Art. Toronto, 1936; Grawforde, опубликованный в лондонском издании 1960 г.; интересная книга Thomas Grawford Burns A Study of the Poems and Songs Ed. 1960. и другие.

Более того. В буржуазном литературоведении имеет место необоснованная тенденция противопоставлять имена Бернса и Скотта, как имена писателей, якобы глубоко различных по характеру своих политических воззрений и чуждых друг другу в этом смысле.

Примером работ подобного типа может служить книга Н. Реагсон Walter Scott His Life and Personality, Lnd (первая публикация 1954 г.)

Рассказав здесь о встрече 15-летнего Скотта с Бернсом в доме профессора Фергюссона, отца школьного товарища Вальтера — Адама Фергюссона. Hesketh Pearson завершает главу следующим образом:

«Вполне вероятно, что Скотт и позднее пытался бы встретиться с Бернсом, если бы не был возмущен сообщением о его революционных взглядах, пьянстве и общении эйрширского поэта с низшей частью населения. Человек, который не расстался с бутылкой бренди даже отправляясь спать, не мог быть идеальным компаньоном для Скотта, предпочитавшего книгу в подобной ситуации, а патристическое чувство Скотта оказалось в конце XVIII столетия вполне достаточным для того, что-

бы держаться вдали от пьяного санкюлотизма думфрийских таверн».¹

Думается, что здесь явная подтасовка фактов.

Дневники романиста, переписка, факт постоянного обращения к наследию великого предшественника — все свидетельствует о том, что Скотт неизменно с уважением и чувством искренней симпатии относился к Бернсу.

Когда Джеймс Балантайн спросил Скотта, что он думает по поводу сравнения своего таланта с дарованием Бернса, Скотт дал понять, что подобное сравнение было бы для него нескромностью:

«Сравнение невозможно — нельзя ставить нас в один ряд» (We ought not to be pamed in the same day).

Бернс скончался 21 июля 1796 года. Смерть поэта явилась величайшей утратой Шотландии. Упоминание имени Бернса, ссылки на его сочинения, использование его лирических произведений неизменно на всем протяжении последующих лет.

В 1802 году Скотт восторженно отзывался о «Тэме О'Шен-тере» Бернса. В письме, адресованном мисс Сьюард (июль 1802), он говорит: «Я едва нашел время сообщить вам, как я разделяю Ваше восхищение «Тэмом О'Шентером», который по моему глубокому убеждению просто неподражаем, как в серьезном, так и в комическом».

В дневнике за 1826 год Скотт уподобляет себя герою бернсовской лирики — бедному труженику, перед которым неизменно — угроза разорения.³

16 февраля 1826 года Скотт вспоминает «Посвящение Гэвину Гамильтону».⁴ Строки из Бернса цитируются 31 мая, 18 октября, 11 декабря 1826 года, 10 июня 1827 года и т. д.

Приведа строки одного из лирических стихотворений народного поэта Шотландии, Скотт заключает запись следующим образом: «Да будет вечна твоя слава и мир душе твоей, Роберт Бернс! Когда у меня возникает необходимость выразить сильное чувство, захватившее меня, я ищу строки Шекспира и твои».⁵

Скотт отнюдь не склонен осуждать великого поэта за свойственные ему слабости. Показателен в этом смысле отзыв о книге John Gibson Lockhart The Life of Burns. Скотт заносит в дневник 29 мая 1828 года следующую характерную запись: «Я с наслаждением прочел сегодня «Жизнь Бернса» Локхарта — книгу, которая написана очень хорошо; чудесная вещь. Автор сознательно обошел молчанием пороки и заблуждения, какие были присущи поэту». Говоря далее о том, что талант «неподражаемого гения» заслуживает глубочайшего внимания, Скотт

¹ Hesketh Pearson Walter Scott His Life and Personality... 1954 p. 20.

² Lockhart John. G. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott. Ed. 1870 p. 97.

³ The Journal of Sir Walter Scott, Ed. 1950, p. 96.

⁴ Там же, p. 106.

⁵ Там же, p. 290, запись от 11 декабря 1826 года.

заключает запись ремаркой о том, что «познание слабостей и недостатков Бернса — предмет печали для тех, кто к нему расположен»!

Проблема влияния поэзии Р. Бернса на Скотта в советской критике впервые затронута доктором филологических наук А. А. Елистратовой в известном критико-биографическом очерке «Роберт Бернс», уже получившем одобрение нашей советской общественности.²

Не выделяя рассмотрение данного вопроса в качестве самостоятельного раздела или главы, исследователь устанавливает влияние поэзии Бернса на изучение Скоттом шотландского фольклора, сопоставляет оценку роли и значения Брюса и Уолеса в творениях двух писателей, сопоставляет взгляды поэтов на якобитизм («Легенды и предания о Стюартах имеют для обоих исторический и эстетический интерес»), сущность и характер правления королей Ганноверской династии и т. д. Многие из этих вопросов решаются автором «очерка» глубоко правильно и свежо; кое-что только обозначено, но не выделено для специального рассмотрения в названной работе.

Самостоятельный научный интерес представляет статья доктора филологических наук Е. И. Клименко, автора статьи «Вальтер Скотт и Роберт Бернс», появившейся в недавнее время в Ленинграде.³

«Творчество Бернса, — читаем здесь, — было... одним из важнейших источников Скотта и приобрело для него теоретическое значение. Оно несло в себе синтез великого и смешного, национального, местнобытового и общечеловеческого. Этот синтез Скотт находил до Бернса только у Шекспира и в фольклоре. Оно было необходимо Скотту для того, чтобы придать бытовому описанию глубокий исторический смысл, увидеть зависимость частной жизни от исторических обстоятельств и сохранить связь между отдельными частями широких полотен в его романах».⁴

Важнейший вывод ленинградского исследователя гласит: «Стихи Бернса освещали судьбу шотландского народа и помогли увидеть в его истории не только единичный пример, но и общую судьбу и развитие покоренных наций; другими словами, они привлекали внимание к вопросу, который имел чрезвычайно широкое значение для периода наполеоновских войн и политики Священного Союза и стал центральной темой в творчестве Байрона...»

Поэзия Бернса становилась одним из краеугольных камней

¹ Journal of Sir Walter Scott (1825—1832), Lnd. 1891, p. 609.

² А. Елистратова. Роберт Бернс. Критико-биографический очерк. ГИХЛ, М., 1957.

³ Вестник Ленинградского гос. университета: серия истории, языка и литературы. Л., 1960, № 2. Е. И. Клименко. Вальтер Скотт и Роберт Бернс.

⁴ Там же, стр. 92.

романтического представления о народности в литературе. В этом смысле трактовал ее Вальтер Скотт.¹

Одним из немногих документов, определяющих отношение Скотта к Бернсу, являются воспоминания писателя, написанные спустя сорок лет после первой встречи и приведенные Локхартом в книге *The Life of Burns*. Они интересны, и мы полагаем возможным напомнить их сегодня:

«Вы спрашиваете о Бернсе, — писал он своему биографу и биографу Бернса, Джону Гибсону Локхарту, — тут я могу искренне сказать: *Virgilium vidi tantum*.² Мне было всего пятьнадцать лет в 1786—1787 году, когда он впервые появился в Эдинбурге, но я хорошо понимал и чувствовал, какой огромный интерес представляют его стихи и готов был отдать все на свете, чтобы с ним познакомиться. Но у меня было слишком мало знакомых среди литературного люда и еще меньше — среди знати западных округов, то есть в тех двух кругах, где он больше всего враждался. Мистер Томас Грэйрсон в то время служил клерком у моего отца. Он знал Бернса и обещал позвать его к себе домой отобедать, но не смог сдержать обещание, иначе я ближе познакомился бы с этим выдающимся человеком. Все же я его увидел у всеми уважаемого, ныне покойного, профессора Фергюссона, где собралось много известнейших литераторов и ученых... Разумеется, мы, молодежь, сидели молча, смотрели и слушали. Единственное, что меня тогда поразило в Бернсе, это впечатление, которое на него произвела гравюра Бенбери, где был изображен мертвый солдат на снегу и рядом с ним — с одной стороны — его несчастный пес, с другой — его вдова с ребенком на руках. Под гравюрой были написаны строки, кончавшиеся так:

«Дитя несчастия, крещенное в слезах...»

На Бернса очень сильно действовала эта картина, вернее — те мысли, которые были вызваны ею. У него на глазах заблестели слезы. Он спросил, чьи это стихи и случайно никто, кроме меня, не вспомнил, что это строки из полузабытой поэмы Лэнгхорна под малообещающим заглавием «Мировой судья». Я шепнул это одному из знакомых, и он тотчас передал мой слова Бернсу, награвившему меня взглядом и словами, которые, хотя и выражали простую вежливость, но и тогда доставили мне чрезвычайную радость и теперь вспоминаются с удовольствием.

Человек он был крепкий, коренастый, держался просто, но без неуклюжести. Это достоинство и простота особенно выигрывали еще и потому, что все знали о его необыкновенном даровании. Портрет Нэсмита³ передает его облик, но мне кажется, что

¹ Вестник Ленинградского гос. университета: серия истории, языка и литературы. Л., 1960, № 2. Е. И. Клименко. Вальтер Скотт и Роберт Бернс, стр. 92.

² Я видел Вергилия (лат.).

³ Нэсмит — художник, писавший портрет Бернса для сборника стихов.

он несколько измелчен, словно виден в перспективе. Думаю, что у него были гораздо более крупные черты лица, чем на портретах.

Если бы мне не было известно, кто он такой, я бы принял его за очень умного фермера старой шотландской закваски, не из этих теперешних землевладельцев, которые держат батраков для тяжкого труда, а за настоящего «добротного хозяина», который сам ходит за плугом. Во всем его облике чувствовался большой ум и проницательность, и только глаза выдавали его поэтическую натуру и темперамент. Большие и темные, они горели (я говорю «горели» в самом буквальном смысле слова), когда он говорил о чем-нибудь с чувством или увлечением. Никогда в жизни я больше не видел таких глаз, хотя и встречался с самыми выдающимися из моих современников. Его речь была свободной и уверенной, но без малейшей самонадеянности. В обществе учнейших мужей своего времени и своего века он выражал свои мысли точно и определенно и вместе с тем без всякой назойливости и самоуверенности, а расходясь с кем-либо во мнениях, он, не колеблясь, защищал свои убеждения твердо, но при этом сдержанно и скромно...»

«Он был просто, но хорошо одет, — пишет другой современник Бернса. — Платье его напоминало и праздничный наряд фермера и обычную одежду того общества, в котором он враждался. Его черные ненапудренные волосы были связаны сзади и волной падали на лоб. В общем, если бы я его встретил в морском порту и меня попросили бы по его облику, выражению лица и платью угадать, кто он таков, то, по всей вероятности, я принял бы его за капитана какого-нибудь солидного торгового корабля». Приводимые воспоминания рисуют великого поэта человеком необычайно импульсивным, остро реагирующим на любое явление, связанное со страданием человека.

Внешний облик поэта подкупает выразительностью, живостью, силой — характерно упоминание о горящих глазах, запомнившихся поэту Вальтеру на всю жизнь.

Существенно указание Скотта на то исключительное уважение, какое Бернс питал к своим предшественникам; оно говорит одновременно как о свойственной поэту скромности, так и о его глубоком пристрастии к традициям национального искусства.

При несомненном различии **социального** положения Скотт близок Бернсу в **основах** своего искусства — в обоих случаях мы наблюдаем свойственную писателям любовь к жизни, жадный интерес к национальному прошлому, общность демократического героя. В шутливом стихотворении-эпифаге Бернс определяет себя несколько необычно — «Тот, кто о Рэнкине пел», имея в виду действительно существовавшее лицо — эйрширского фермера, своего приятеля и соседа.

¹ Перевод Р. Райт-Ковалевой, у Lockhart'a, p. 37—38.

В другом случае, в письме к доктору Муру (январь 1787 г.) он признается в том, что пишет для простых и незнатных читателей: «...моим первым честолюбивым стремлением было и моим сильнейшим желанием остается теперь нравиться моим собратьям-простотолюбам, обитателям деревенских хижин...»¹

Показательно в этом плане аналогичное признание Скотта. «Если есть что-либо хорошее в моей поэзии или прозе, это искренность повествования, которая по душе солдатам, морякам, мо-
лодым людям смелого и деятельного склада».²

И Бернс и Скотт имеют дело с одним и тем же героем — это народ Шотландии, в его настоящем и прошлом, это крестьянин в обстановке своего повседневного труда, скрипач, боее всего любящий скрипку (вспомним образ скрипача Вилли у Бернса и образ Вилли в «Редгунглетте» Скотта), здесь ведомый на виселицу разбойник Макферсон у Бернса, Уильсон у Скотта («Эдинбургская темница»).

Иной раз групповой портрет у Скотта является как бы продолжением группового портрета, уже показанного ранее Бернсом (вспомним изображение «республики нищих» в «Приключениях Нигеля»).

Характерно, что люди труда рисуются и тем и другим в положительном плане, тогда как те, кого ненавидит Бернс (парламентарий, помещик-лорд, служитель церкви, акционный), чаще всего отрицательно изображаются и Скоттом. Приведем хотя бы один пример.

Вспомним, с каким презрением по адресу аристократии от-
вечает на реплику приятеля пес Цезарь:

Стране он служит! Что за вздор!
Несет он родине позор.
Разврат, раздор и униженья —
Вот каково его служенье!

Вспомним, сколь отрицательно изображается Скоттом свора раболепствующей знати, толпящейсь возле трона (в романе «Приключения Нигеля»): «Теперьшние придворные — это толпа льстецов, наущников и прихлебателей (A pack of flatterers and flatterers and earwigs). Презрение к родовитым бездельникам Скотт вкладывает то в уста Марты, но констатирует это при помощи преданного Нигелю слуги — Ричи. По словам первой, «резать горло беднякам — достойное занятие для дворянина» (ch. XXIV, p. 148).

Заметим, однако, что, следуя Бернсу в обличении короля, парламента и власть имущих, Скотт все же не поднялся до отрицания суда и церкви, собственности и власти в той мере, какая была свойственна Бернсу.

¹ Lockhart J. G. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott. Ed., 1870.
² Journal of Sir Walter Scott (1825—1832). Ed., 1890, p. 212—213. Запись от 16 июля 1826 г.

Мир, представленный Бернсом, настолько значителен по своему содержанию, по богатству затронутых проблем и вопросов, столь конкретен и обусловлен исторически, что развитие поэтического творчества Бернса означало собою значительную страницу в становлении и развитии реализма в английской поэзии XVIII столетия.

Широка охвата действительности, богатство человеческих чувств, яркость и самобытность его словаря свидетельствовали о том, что его лирика представляла собою поэтическую энциклопедию современности, являющую в смысле правдивости и психологической верности обрисовку шотландской действительности. Крестьянин Бернса — исторически конкретен, его плед — не драпировка, соломенная шляпа — не реквизит, его плуг и мотыга — не бутафория. С полным обоснованием и правом канадский исследователь поэзии Бернса — профессор Снайдер пишет: «Мне представляется, что Бернс обладал интуитивным стремлением к правдивости, которая одна говорит больше любых объяснений его поэзии, и которая ставит его значительно выше всех других современных ему поэтов».¹

Для Скотта поэзия Бернса являлась не только документом величайшего уважения поэта к людям труда и утверждением их права на счастье и всю полноту жизни, но и своеобразной школой реализма.

Критические статьи, предисловия и, в частности, Magnus Opus — предисловие Скотта к общему изданию его романов 1829 года, дают все основания говорить о Скотте как о писателе-реалисте. «Сходство между вымыслом и реальностью, — писал Скотт, — главнейшее обстоятельство, которому эти романы обязаны успехом, ибо всякий читатель сразу почувствует в их сценах и лицах, срисованных с натуры, дух подлинной реальности, который не свойственен фантастическим произведениям, хотя бы и счастливо задуманным и удачно выполненным».²

Деятельность романов Скотта повествуют о Шотландии, а их совокупность становится реалистическим отображением шотландского быта на протяжении ряда столетий, его «Уэверли» представляет собою энциклопедию шотландской действительности середины XVIII столетия; совокупность его романов знаменует собою становление и развитие реализма в английской прозе первой половины XIX столетия. Глубокая любовь к поэтическому наследию Бернса, уважение к его редкостному таланту, самобытности его гения, укрепляли национальные основы искусства Скотта, помогали ему найти основную тему его романа — родины и народа в прошлом и настоящем. Но именно эта тема являлась определяющей и в поэзии Роберта Бернса.

¹ F. B. Snyder. Robert Burns. His Personality, His Reputation, His Art. Toronto, 1936, p. 40.
² Quarterly Review, January, 1817.

Пример творческой деятельности Р. Бернса, нашедшего для себя в фольклоре величайшее богатство поэзии, содействовал и стимулировал интерес Скотта к изучению национальных сокровищ народного творчества.

Бернс вспоминает, как в детстве жившая в семье старая женщина Бетти Давидсон «хранила в памяти едва ли не самую большую на мой взгляд коллекцию сказок и песен... Сказки эти пробудили в моей душе дремавшие семена поэзии...»¹

Сборник английских народных песен, попавший в руки мальчика, «был моим *vaude pesant*. Я перечитывал его идя за телегой, отправляясь на работу, старательно отделяя все истинно нежное или возвышенное от аффектации или напыщенности»². Бесспорны фольклорные основы таких произведений Бернса, как Handsome Nell, O. Tibbie I ha'e seen the Day, The Ruind Farmer, The Lass of lessnock Banks, My Father was a Farmer.

Бернс не только знал, но и работал над сборником Перси (см. его письмо д-ру Муру из Эллисленда 28 февр. 1791 г.), сам собирал и записывал старошотландские песни и баллады, путешествуя в этих целях по Шотландии (весной 1787 г., в августе того же года).

Многие его песни создавались на мотив народной мелодии. Назовем широко известное Auld Lang Syne (Давно, давно...). Замечательным примером использования уже ранее созданного является Macpherson's Fagewell, столь пленившее Т. Карлейля³. Переработкой старинной баллады Life and Age of Man, приведенной у Cromeká, является известное произведение Бернса Man Was Made to Mourn.

Каждый раз, работая над тем или иным текстом, Бернс сохраняет объятие подлинника, добиваясь, однако, его большей выразительности и социальной заостренности.

Гуманизм, жизнеутверждающий дух песен, их большая эмоциональность, яркость и образность текста, музыкальность, особый, чисто бернсовский юмор — все имеет своим источником фольклор. Записи, делаемые Бернсом, свидетельствуют о его начитанности в памятниках английского и шотландского фольклора, устойчивости его интересов в этом смысле.

Ознакомившись с «Памятниками старинной английской поэзии» Перси, Бернс говорит о «прекрасных песнях сборника Перси». В сентябре 1784 года он с грустью пишет о том, что забыты барды древности, «обладавшие всеми талантами подлинного гения»: «О вы, неведомые миру гении, — восклицает Бернс, — умевшие чувствовать столь глубоко и творить так совершенно! Самый скромный из поклонников музыки, сознающий себя

¹ Burns Robert, Life and Works. Ed. by R. Chambers, 4 vols. 1896, Vol. 1. p. 10.

² Burns Robert, Life and Works. Ed. vol. 1. p. 13—14. Имеется в виду A Select Collection of English Songs. The Lark.

³ См. Т. Карлейль. Исторические и критические опыты. 1878, стр. 363.

ничтожеством в сравнении с вами, и все же с восторгом взираючий на пройденный вами путь, неизвестный и всем сердцем стремящийся последовать за вами на своих слабых крыльях — поэт отдает ныне дань вашей памяти»¹.

25 октября 1787 года он сообщает, что изучение старошотландских песен захватило его: «В настоящее время я помогаю переложить на музыку собрание шотландских песен... я буквально помешался на этом, собирая старые строфы и любую информацию, касающуюся их происхождения, автора и т. п.»²

Использование фольклорных богатств Бернсом принципиально отлично, например, от интереса к фольклору лейкистов; в противовес Саути и Колриджу, пытавшихся приписать фольклору невольственный ему мистицизм и мысль о бессилии человека перед таинственной силой рока, Бернс сохраняет лиризм и непосредственность народной песни, а подчас на ее основе создает **политическую** песню.

От фольклора песенная структура стихотворений Бернса. Три компонента песни — мысль, метрика и мелодия гармонично связаны между собою. По меткому выражению Т. Карлейля, песни Бернса нельзя положить на музыку, ибо они — сама музыка.

Глубочайшее понимание Бернсом интересов и нужд народа, познание его чувств и переживаний, потребностей и привычек дали Гете право охарактеризовать Бернса как подлинно народного и национального поэта.

«Возьмите Бернса. Отчего он велик? Оттого, что старые песни его предшественников жили в устах народа, что они, так сказать, пелись у его колыбели, что ребенком он вырос на них, что совершенство этих образов, так сказать, сжилось с ним, что у него было живое основание, на котором он мог создавать дальше. И он велик еще оттого, что его собственные песни тотчас же проникли в народ, что их тотчас же запели косари и жнецы, что ими встречали его в кабаках веселые ребята»³.

Хочется заметить, что от Скотта не ускользнуло мастерство Бернса в работе над памятниками фольклора: «Никто более Бернса не был столь успешен в обработке старинных шотландских песен», — записывает он в дневнике 23 августа 1827 г.⁴

В «Очерке о подражаниях древним балладам» Скотт очень высоко оценивает обработку Бернсом фольклорных песен. «Поэтом, вероятно, наиболее способным по стиху, строке или даже слову оживить и восстановить характер древней поэзии был шотландский бард — Роберт Бернс. Мы не говорим здесь о его прославленных лирических творениях собственного сочинения, ...но о способе, пользуясь которым, он восстанавливал и воссозда-

¹ Burns Robert. Life and Works, vol. 1. p. 102.

² Burns by himself by Keith Henderson. Lnd. 1938, p. 122.

³ Eckermann I. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens, s. 164.

⁴ Journal of Sir Walter Scott (1825—1832) Ed. 1890, vol. II, p. 25.

вал старинные песни и фрагменты для собрания песен Джонсона и других. Зная по памяти тему, сюжет старинной песни, он гениально добавлял недостающее. Тому, кто полагает, что здесь преувеличение, достаточно сопоставить его великолепное произведение «Мое сердце в горах» с вялыми и скудными останками песни, какое сохранилось благодаря мистериу Питеру Бухан. Второй, еще более разительный пример — «Прошание Макферсона» с выступающей здесь силой духа и мужеством. Вспомним первоначальный текст песни под названием Macpherson's Lament. В блестящем припеве (rifacimento) Бернса жажда вольности, имеющаяся в оригинале, сохранена, однако она дополнена ненавистью к знати, какая и определяет выразительность произведения и обуславливает отличие текста от примитива древней песенки.¹

В какой же степени сказалось на сознании романиста страстное увлечение Бернса фольклором? Пример горячо любимого поэта, национального барда Каледонии содействовал возникновению интереса к народной поэзии, сохранившемуся в сознании романиста в продолжении всей его жизни. Как и Бернс, ознаменовавшийся с собранием Перси в юные годы, Скотт с восхищением читал старинные баллады и песни, уже в юности завел тетрадь для записей старинных песен и сказаний, неоднократно странствовал по стране, собирая песни и легенды народа. Так возникла к жизни не только «Поэзия менестрелей шотландского Порубежья» (Minstrelsy of the Scottish Border, 1802), но и многочисленные оригинальные произведения, в ряде случаев близкие материалу фольклора. Показательно, что имея дело с общей первоосновой, Бернс и Скотт самостоятельно используют тот или иной фольклорный материал или легенду.

И Бернса и Скотта в одинаково сильной мере интересовал вопрос о якобитизме и его последствиях. В отношении оценки минувших исторических событий поэты стояли на разных позициях: Бернс был явным противником «Унии» 1707 года, приведшей Шотландию к лишению политической самостоятельности, Скотт же усматривал и положительные последствия этого объединения. Но в одном поэты смотрели на вещи одинаково — они понимали историческую обреченность любых попыток претендентов Стюартов на власть и, как это правильно отмечает А. А. Елистратова, для обоих легенды и предания о Стюартах имели чисто реалистический и эстетический интерес (см. стр. 107). Но являясь реалистом, поэт не мог пройти мимо того факта, что песни о претенденте жили в какой-то мере в народной среде, в среде Горной Шотландии, и правдивое воспроизведение жизни гейлендеров было бы не полным без констатации этого факта.

Бернс в лирике запечатлел наивные мечтания простых шотландцев о Стюартах, как королях «истинно-шотландских» и несущих

¹ Minstrelsy of the Scottish Border, P., 1838, vol. 2, p. 163—164.

щих народу «избавление». Среди героев Бернса старик, оплакивающий убитых сыновей, вдова, которой поражение восстания несет горе и страдания. Текст народной песни «Не бывать у нас миру, пока Джейми не вернется домой» — использован и Бернсом и Скоттом. Последний вкладывает наивный текст этой песенки в уста Дэви:

Но Джейми-король возвратится, дай срок
И хватит на всех и чулок и сапог.¹

Характерно, что тот же Дэви, изображаемый Скоттом с чувством явной симпатии, поет у автора старинную народную песню, которая известна читателям в творческой переработке Бернса:

В горах мое сердце... Доныне я там
По следу оленя гоню по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу,
В горах мое сердце, а сам я внизу.²

Привея текст, В. Скотт сопровождает его характерным пояснением: «Эти строчки составляют припев старинной песни, к которой Бернс присочинил несколько дополнительных стихов».³ Жалоба вдовы из Горной Шотландии у Бернса приводит на память «Вдову шотландского горца» Скотта. Сходство не только в названии, но и в реалистической констатации разорения и умирания шотландского клана, какое мы обнаружим в стихотворении Бернса и прозе Скотта.

Как и Бернс, Скотт находит в фольклоре пригодные для него, как художника, сюжеты. Это наиболее отчетливо заметно в первую очередь в таких произведениях, как баллады Скотта, романы «Айвенго» (1819), «Кенилворт» (1821), «Замок опасный» (1831) и другие.

В «Minstrelsy of the Scottish Border» Скотт, как известно, с уважением отзывался об исследователях и собирателях шотландского и английского фольклора. Он называл здесь «труд епископа Перси» (1765), оказавшего «великую и значительную услугу делу национальной литературы»⁴, появившееся в 1783 году собрание английских песен, изданное Ritson'ом и «являющееся результатом глубоких изысканий»⁵ «Фрагменты древней народной поэзии» (1792), «Собрание шотландских песен» (Лондон, 1794), двухтомный труд Joseph Ritson A Collection of all that the Ancient Poems Songs and Ballads now extant, relative to that celebrated Outlaw, 2 vols. 1795; вновь и вновь отмечает заслуги Бернса, — собирателя песен, поэта, сумевшего многое возродить для читателей его страны и всего мира.

¹ Waverley. Ch. XXVII.

² Waverley Ch. XXVIII.

³ Waverley. Ch. XXVIII.

⁴ Minstrelsy of the Scottish Border. P. 1838. vol. 1 p. 19.

⁵ Там же, p. 22.

Современное английское литературоведение склонно замалчивать степень влияния Бернса на Скотта. В недавней работе Sir Walter Scott Lectures Ed., 1950, состоящей из ряда статей различных авторов, сэр Герберт Грирсон (Sir Herbert Grierson) автор статьи "History and the Novel" утверждает, что у Скотта нет характеров, которые приводили бы на память безрассудную веселость героев поэмы «Веселые нищие»!

Думается, что автор подобного заключения не прав—свойственная Бернсу любовь к жизни, утверждение ее красоты, органически присущее автору лирических песен жизнеутверждение—импонировали Скотту и он шел здесь в одном направлении с Бернсом.

И Бернс и Скотт находили в фольклоре своего положительного героя. Таким, в частности, являлся для Бернса образ бесстрашного разбойника и изгоя Макферсона, для Скотта—образ мужественного изгоя—Робин Гуда и Роб-Роя.

В «Автобиографии» Скотт отмечает как раз это, заявляя: «Местные сведения, имевшие, конечно, большое влияние на образование моих будущих стремлений и вкусов, я заимствовал из старинных песен и преданий... Моя бабка, в юные годы которой еще были свежи в памяти всех рассказы о набегах порубежников, рассказывала мне о подвигах Ватта из Гардена, Уайта Уилли из Эквуда, Джеми Тельфера из Дагдела и других веселых молодцов в стиле Робин Гуда и Маленького Джона».²

О том же говорит и предисловие к роману «Роб Рой» (издание 1829 года): «Я должен также заметить, что мною отобраны рассказы о Роб Рое, бывавшие в прошлом и живущие еще ныне в горах, где прославлено его имя».³

И для Бернса и для Скотта фольклор — источник поэзии. Без фольклора не возникла бы к жизни поэма «Тэм О'Шентер», не было бы «Айвенго». Народное творчество — совокупность тем и сюжетов, дававших все возможности для поэтизации героического прошлого. Без фольклора не было бы произведений Бернса «Брюс-шотландцам», не было бы и «Опасного замка» Скотта.

Сохраняя самую горячую любовь и привязанность к наследию своего любимого поэта, Скотт многократно обращается к песням и балладам Бернса, используя стихотворные строки Бернса в качестве эпиграфов, ссылаясь на них в предисловиях и письмах, пользуясь ими для подтверждения своих заключений при написании критических статей.

Уже в первом, по времени, романе «Уэверли или шестьдесят лет назад» (1814) Скотт дважды упоминает имя Бернса в связи с обрисовкой Дэви Геллатли, распевающего под окном любимую шотландцами песню: «В горах мое сердце»...

¹ Sir Walter Scott Lectures (1946—1948) Ed., 1950, p. 50

² Lockhart J. G. The Life of Sir Walter Scott, Ed. 1870, p. 50

³ Waverley Novels, vol. IV, N.J., Collier Publisher, p. 28

«Музыкальные звуки», «которые как колокольный звон к утрене, были первыми звуками, нарушившими покой Уэверли, когда он гостил у барона Бредуордина», в данном случае служат как бы прелюдией к письму Розы Бредуордин, оставшейся в Тулли-Веолане, вдали от «дорожного сэра Уэверли». Ссылка романиста на эти стихи в романе, являющаяся энциклопедией шотландского быта, абсолютно оправдана и закономерна, тем более, что последующие строки песенки Дэви о короле Джейми, несущем шотландцам вдоволь чулок и сапог, наглядно свидетельствуют о тех иллюзиях, какие якобиты наивно связывают с успехом дела претендента.

В «Гай Мэннеринге» строки Бернса

Шотландия, с чертополохом.
С ее печалью, с тяжким вздохом...
Акцизный буйствует за кружкой...

открывают девятую главу, повествующую о таможенном инспекторе Фрэнсисе Кеннеди, причинившем зло контрабандистам и, в частности, Дирку Хаттерайку. «Гончие его величества» травят контрабандистов по приказу жестокосердого Кеннеди, хотя это, по словам леди Бертрам, отнюдь не вызывается необходимостью: «Мог бы ведь он распевать свои песенки, пить вино и получать жалованье, как делает сборщик податей Снэйл, вот действительно славный человек, он никогда никому вреда не сделал».

Текст стихотворения Бернса уместен здесь не только потому, что в IX главе романа рассказывается о семейном горе лерда Эленгауэна, пропавшем маленького Гарри Бертрама, но прежде всего вследствие того, что данные строки служат выражением повседневно существующей нищеты трудящихся масс Шотландии второй половины XVIII века, когда оборотной стороной промышленного подъема страны являлось разорение крестьян, имел место процесс их пауперизации. Жизненно оправдан в романе рассказ об изгнании дернклоских цыган, отомстивших богатому лэрду.

Строки из Бернса используются Скоттом в дальнейшем в гл. XXXII — для характеристики пройдох и злодея Глоссина, в главе XLIX, где текст из «Тэма О'Шентера»:

Пить и пить нам во тьме вольнее,
Да и пиво ночью пьется...

служит прелюдией к описанию позднего ужина в Вудберн. Веселый ужин предшествует неожиданному появлению Бертрама. В том же плане используется «Эпиграмма на посещение Инверри» в качестве эпиграфа к главе XIII «Легенды о Монтрозе». В предисловии к «Антикварию» Бернс упоминает дважды. Эпиграф к главе (III), в которой антикварий знакомит Ловеля со своими «богатствами», составляют строки Бернса:

¹ Guy Mannering ch. IX.

«У него было множество старого хлама: ржавые железные шлемы, гремящие панцири». И здесь эти строки помогают выявлению психологической и социальной сущности героя — лучшее в антиквариаре Джонатане Ольдбукке — свойственная ему привязанность к национальной истории, уважение к ее героическим традициям. В споре с баронетом сэром Уардером он гордится тем, что происходит от типографика: «Это делает мне гораздо более чести, чем генеалогия с громкими именами простреленных и закованных в броню готических баронов» (ch. VI).

Скотту глубоко импонирует национальное приращение Бернса, его страстная любовь к Каледонии. Глава XVII «Аббата», повествующая о въезде Адама Вудкока и Роланда Грэма в Эдинбург, открывается строками Бернса: «Эдинбург! Любимая столица Шотландии, все славят твои чертоги и башни...».

Имя Бернса неизменно присутствует в тех творениях Скотта, где говорится о борьбе за независимость Шотландии, где прославляются герои этой борьбы.

Роман «Замок опасный», повествующий о событиях начала 14 столетия и борьбе шотландцев «за независимость своей родины» who asserted the liberty of their country открывается стихами Бернса As J stood by yon roofless tower.

У разрушенной башни стою я печален,
Влажен воздух, плющем приодета стена,
Крик совы долетает до меня из развалин,
Надо мною далекая светит луна...
Влажен воздух, и ветер полный струится,
Звезд миллионы горят в вышине серебром,
Только изредка где-то пролает лисица,
Да бессонное эхо прозвучит за холмом...¹

Подобные стихи уместны там, где в художественной форме воссоздается автором героическое прошлое родины, время борьбы за утверждение национального самосознания, эпохи, связанной с именами национальных героев страны — Роберта Брюса и Уильяма Уоллеса. Богатейший мир народной фантазии, юмор и жизнерадостность, свойственные фольклору, самым широким образом использовались поэтами — вспомним «Тэма О'Шентера» Бернса, баллады Скотта, его же «Редгоунглет» (путешествие крестьянина в ад), при абсолютной трезвости мышления и стихийном материализме того и другого автора.

Следует особо подчеркнуть, что торийские предрассудки Скотта ограничивали степень влияния на него поэзии Бернса.

Революционный демократ и просветитель, горячо сочувствовавший делу якобинства, французской буржуазной революции, политически Бернс был неизмеримо крупнее своего последователя и современника. В этом нетрудно убедиться, обратившись к сравнению.

¹ Перевод мой.— С. О.

Бессмертным творением Бернса явилась кантата «Веселые нищие», впервые опубликованная в 1801 году после смерти автора (1796). Согласно преданию, поэт стал очевидцем сцены, изображенной здесь, посетив кабачок в городке Мохлине и названный по имени хозяйки — Poosie Nansie («Красотка Нэнси»). По свидетельству Джона Ричмонда, одного из друзей поэта, Бернсу запомнился вечер, проведенный в компании бродяг и нищих, собравшихся в кабаке, в особенности же поведение некоего старого искалеченного солдата.

Поэма The jolly Beggars, написанная, по-видимому, в 1785 году, в один год с «Молитвой святого Вилли» и «Двумя пастырями», накануне создания «Двух собак» и «Благочестивой ярмарки» не была автором напечатана. Он вспомнил о рукописи лишь в связи с письмом Джорджа Томсона, которому ответил 13 сентября 1793 года: «Я уже позабыл о кантате, упоминаемой вами, ибо я не имею ее копии и действительно забыл о ее существовании. Однако я припоминаю, что мне самому ничто так не понравилось, как строки:

Courts for cowards were erected,
Churches built to please the priests.¹

Кантата Бернса реалистически воссоздает обездоленность масс — результат капиталистической индустриализации страны. Но Бернс не только констатирует это. Он прославляет своих бунтарей, поправших цепи закона и принуждения, глубоко равнодушных к деньгам и собственности, чинам и рангам:

Дрянь все, кому закон по вкусу,
Свобода — светлый праздник нам.
Суды — полезны только трусу,
А церкви выгодны полам.²

Герои поэмы не только облагорожены в своей человечности, естественности, искренности поведения; они противопоставлены лордам и знати, чиновникам и духовенству, всем тем, кто живет за счет угнетения.

Используя и здесь элементы фольклора,³ сохраняя все обаяние фольклорного прообраза, Бернс в то же время придал поэме острополитический колорит; сделал своих героев протестантами против существующего правопорядка, придал им функции обличения, разящего власть имущих. Вспомним хотя бы строки:

Я — клоун бродячий, жонглер, адвокат,
Умею плясать на канате;
Но в Лондоне есть у меня, говорят,

¹ Burns Robert, Life and Works; Ed by R. Chambers and revised by W. Wallace, 1896, vol. I. p. 182.

² Перевод Т. Л. Шенкиной-Куперник.

³ См. об этом труд Т. F. Henderson Scottish Vernacular Literature, Ed. 1910, p. 443—444; вкл., например, The Merry Beggars — народную песню — 1751.

Счастливей соперник в палате!
А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отнимает у нас,
Хотя облачается в расу...

(Перевод С. Я. Маршака).

Как и в Macpherson's Fagewell, здесь — упоение жизнью, гимн ее величию, ее красоте наперекор всем прутьям клетки, цепям и решеткам. По образному определению Т. Карлейля, «могучее движение Жизни и здесь отстаивает... право на счастье»!

Жизнь — в движении бесконечном,
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!
Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму.

Строки поэмы Бернса невольно приходят на память при чтении трех глав романа «Приключения Нигеля», где изображается «дно» Лондона, убежище гонимых, создавших некое подобие «республики или монархии» — (the republic of monachy, p. 107—108) — враждебных жестоких королевским законам. Здесь, как и в кантате Бернса, компания веселых бродяг проклинает закон и суды. Нидерландский солдат, пастор, спившийся адвокат и другие отзываются и человечны, готовы поделиться с товарищем последней одеждой и грошом, неизменно живут «вопреки законам», но их форма протеста граничит с анархизмом, а их статус (присяга, принимаемая неофитом) преследует прежде всего цели личной независимости и благополучия; текст присяги гласит:

От речи судебного пристава,
Превращающей человека в раба,
Освобождаю тебя...
Ты вполне свободен
Плутовать и драться,
Быть обманутым и обманывать,
Быть схваченным самому,
Ездить верхом, клясться и хвастаться,
Пить, пока не зашататься,
Пялить глаза и ударять кинжалом,
Размахивать ножом
В защиту своей шлюхи,
Зимой ходить в теплой одежде,
Если она у тебя есть...
Обогащаться игрой в карты и кости,
Клясться своей нестью —
Вот привилегии, какими я награждаю тебя!

¹ Thomas Carlyle Essay on Burns, 1896, p. 38.

² The Fortunes of Nigel, ch. XVII, p. 112.

Идея восстания, столь органично присущая народному поэту Шотландии — в самый канун революционных событий во Франции и падения Бастилии — далека от автора «Приключения Нигеля» и не случайно бунтарство Уайт-фрайерса носит приглушенный характер, а политические цели «республики независимых» никак не определены.

Заслуживает всяческого одобрения мысль А. А. Елистратовой о том, что, создавая характеры обездоленных, таких, как Эди Охильтри в «Антиквари», цыганка Мэг Мерилиз в «Гае Мэннинг» — стойких и сильных духом людей, «в которых нищета лишь обостряет чувство гордой независимости и презрения к власти имущим, Вальтер Скотт, по-видимому, исходил не из кантаты Бернса, как литературного образца, а подмечал аналогичные явления в самой шотландской жизни»!

Общим для двух писателей был страстный интерес к судьбам родины, оба с волнением произносили имена борцов за ее национальную независимость — Брюса и Уоллеса.

Бернс создал широкоизвестное стихотворение «Брюс — шотландцам» (Scots Wha Hae — 1794) — эту «шотландскую марсельезу», как ее иногда называли. Скотт отобразил подвиги Брюса в поэме «Владетель островов (The Lord of the Isles, 1815) и романе «Замок опасный». (Castle dangerous, 1831). Для Бернса выступления Роберта Брюса (1324—1329) есть прежде всего символ возможной победы поработенных над поработителем; Брюс прославлен Бернсом как освободитель народных масс от насилия английских поработителей, а стихотворение в целом с его призывом — победить или умереть, отвечает самым современным призывам Конвента Друзей народа.

Таким образом, и это стихотворение Бернса, прославляющее «защитника Правды и Свободы» (см. письмо Бернса к Томсону, август 1793 года), — служит тем же политическим целям, что и «Древо свободы» и «Ода на рождение Вашингтона». В «Замке Опасном» (1831) Р. Брюс лишь упомянут в финале, как один из героев национально-освободительной борьбы. К тому же само прославление его подвигов носит почти элегический характер.

Поэзия Бернса была спутницей всей жизни Скотта. Проникнутая глубоким уважением к человеку труда, она была дорога Скотту как проявление высокой одаренности шотландского народа, поэтическая летопись настоящего и прошлого Шотландии, как ярчайшее выражение народного самосознания.

В сознании Скотта Бернс — это сама Шотландия, ее народный поэт, отдавший талант делу ее национального раскрепощения. Искусство Бернса — это и отображение необычайных богатств души человека труда и постановка проблем национального и общечеловеческого в искусстве. Это та поэзия, которая стоит в од-

А. Елистратова. Роберт Бернс. Критико-биографический очерк.
М., 1957, стр. 46.

ном ряду с поэзией Д. Г. Байрона: «Я считаю Байрона и Бернса величайшими поэтическими гениями и моего времени и предшествующих эпох»¹, — писал Скотт в дневнике.

Поставив в центр изображения судьбу народа и государства, наследуя здесь лучшим традициям Шекспира, Скотт многим обязан ближайшему предшественнику — Бернсу, поэзия которого являлась художественной энциклопедией современности, затрагивала важнейшие проблемы в судьбах государства и человека (проблему промышленной революции и связанного с нею разорения масс, тему национального порабощения и борьбы, проблему французской буржуазной революции и ее значения для Англии и Шотландии, а также и другие вопросы). И Скотт и Бернс оба шли здесь по следам величайшего драматурга Англии. Поэзия Бернса стимулировала реалистическое начало творений Скотта, зовя к познанию жизни народа, давая пример «значительности материала, содержания, характера, изложения... правдивости деталей при выполнении» (по определению Гете)².

Близкая к народному творчеству шотландцев, поэзия Бернса несла в себе лирическое начало и свойственную людям труда верую в торжество человека в грядущем, устанавливала правомерность в искусстве нового демократического героя. Скотт шел по пути своего предшественника, утверждая в романах торжество исторически прогрессивного дела, прославляя высокую человечность и богатство души человека труда (Дженни Динс, Роб Рой, Генри Гоу и др.) и сохраняя его презрение к стяжателям и поработителям, тем, кто угнетает.

Вместе с тем, в силу присущих ему тенденций консерватизма, склонности к компромиссу (в ряде случаев) Скотт не поднялся в своем отрицании и сатиризме до бернсовского отрицания, остался противником насилия и идеи революционного преобразования мира.

Проникнутая глубочайшей любовью к Шотландии, ее героическому прошлому, поэзия Бернса стимулировала интерес романиста к прошлому **родной** страны, обусловила рассмотрение прошлого и настоящего родины как **центральной** темы исторического романа.

¹ Journal, vol. 1, p. 112.

² Eckermann I. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Lpz., Brockhaus, 1948.

В. В. ПУГАЧЕВ

А. Н. РАДИЩЕВ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Беседа о том, что есть сын отечества».

Предреволюционная обстановка и начало революции во Франции, русско-турецкая и русско-шведская войны активизировали Радищева. Казалось, что во всем мире могут произойти серьезные изменения.

Радищев пытался в это время активно влиять на передовое дворянство и разночинцев.¹ Он был тесно связан с «Обществом друзей словесных наук», с его журналом «Беседующий гражданин». «Общество» насчитывало около сотни человек, среди которых было много офицеров — особенно Балтийского флота. В их числе можно назвать Павла Васильевича Чичагова (будущего морского министра), его брата Петра Васильевича Чичагова (сыновей командующего флотом адмирала В. Я. Чичагова), адъютанта В. Я. Чичагова М. И. Антоновского (организатора «Общества»), А. С. Шишкова, П. А. Озерова. В Балтийском флоте вообще были сильно распространены оппозиционные настроения. Предшественник В. Я. Чичагова адмирал С. К. Грейг состоял руководителем масонской ложи «Нептун» в Кронштадте. Чичаговы славилась аристократическим либерализмом. Любопытно, что французский поверенный в делах в России Э. Жене отмечал симпатии к французской революции среди гвардейских и флотских офицеров.² При всей экспансивности Жене, склонности его к преувеличениям, полностью игнорировать эти свидетельства нет оснований.

«Общество» было неоднородно в политическом отношении

¹ См. статью В. П. Семенникова: «Литературно-общественный круг Радищева», особенно стр. 233—247; в книге «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.—Л., изд. АН СССР, 1936.

² «Литературное наследство», т. 33—34, стр. 40, 45.